

№ 29. Вторникъ, 4 февраля 1914 года.

У Т Р О Ю Г А

3

„БѢСЫ“ Достоевскаго.

(Лекція В. П. Потемкина).

1 февраля въ залѣ Ростовскаго клуба состоялась очень интересная лекція московскаго лектора-педагога В. П. Потемкина на тему «БѢСЫ» Достоевскаго. Лекція устроена женскимъ клубомъ.

Появленіе романа «БѢСЫ» Ф. Достоевскаго было встрѣчено и критикой, и обществомъ очень несочувственно. Вокругъ этого страшнаго и малопонятнаго романа поднялись литературные споры, поднялась буря протестовъ и негодованій, такъ какъ въ романѣ увидѣли оскорбленіе и поруганіе всего того, чему такъ свято поклонялась молодая общественная Россія. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса, что съ выпускомъ въ свѣтъ романа «Преступленіе и наказаніе», замѣчается несомнѣнный упадокъ творчества писателя, который все больше и больше уклоняется въ сторону больной, односторонней, тендеціи; что его романъ «БѢСЫ»---«творческое банкротство», ясно и опредѣленно заявилъ проницательный критикъ Михайловскій, сказавшій также, что этотъ романъ «сѣлъ идея».

Самъ Достоевскій въ письмѣ къ Майкову пишетъ по поводу только-что задуманнаго романа «БѢСЫ»: «пусть выйдетъ памфлетъ, но я выскажусь». Уже изъ этого должно быть ясно, что романъ «БѢСЫ» лишенъ всякаго художественнаго исполненія.

Въ основу романа «БѢСЫ» легло известное евангельское повѣствованіе о бѣсноватомъ, котораго исцѣлилъ Христосъ. Силой своей чудесной власти изгналъ изъ нечистаго бѣсовъ. БѢСЫ переселились въ свиное стадо, которое бросилось съ горы въ озеро и погибло.

БѢСЫ были изгнаны и больной исцѣлился.

Вся Россія представлялась больному взору Достоевскаго одержимой бѣсами. Бѣсовъ надо изгнать. Россію надо исцѣлить. Но, какъ?... Только новой вѣрой,---вѣрой въ народъ, изъ котораго ты вышелъ: вѣрой въ особую миссію народа. Кто теряетъ народъ, тотъ теряетъ вѣру въ Бога, ибо народъ---тѣло Бога. Русскому народу предназначена великая миссія спасти міръ. Русскій народъ---народъ богоносецъ. Такъ разсуждаетъ Шатовъ — alter ego Достоевскаго---въ романѣ «БѢСЫ». Когда исполнится особая миссія народа-богоносца, бѣсы бросятся въ озеро и погибнуть и больной исцѣлится: Россія будетъ спасена.

Но будущее вѣры Достоевскаго приводитъ его въ отчаяніе. Это шаткая вѣра. Отъ изступленнаго «да» онъ сейчасъ же переходитъ къ безумному «нѣтъ». Въ немъ нѣтъ спокойствія и стойкой вѣры въ своего Бога.

«БѢСЫ», которые въ снѣжномъ «полѣ», среди дикой вьюги, «крутятъ» несчастную Россію,---это социализмъ, который, по собственному выраженію Достоевскаго, является «верхомъ клеветы на человѣчество»; это все наши либералы, которымъ мы все привыкли поклоняться: Грановскій, Бланшскій и Герценъ; это все тѣ, кто борется за освобожденіе Россіи. Противъ нихъ всею силой своего «жестокаго таланта» ополчился измученный Достоевскій.

Въ противобѣсъ подполью Достоевскій создаетъ цѣлое царство «святыхъ идиотовъ», блаженнѣйшихъ и юродивыхъ. Отъ ужаса бездоннаго подполья онъ бѣжитъ къ нимъ, къ этимъ носителямъ новаго религіознаго сознанія. Онъ ищетъ въ нихъ утѣшенія, му-

штел большой, истерзанной душой и страстью, долго и упорно ищет. Бога. Всею жизнью Достоевский мучился борьбою с пачалачи двойственности, въ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ, отъ котораго нигде не уйти—съ самимъ собой. «Двойственность во мнѣ... и всю жизнь такъ было».

Достоевский молодой, начинающий писатель, выходитъ въ кружокъ Блининскаго и увлекается прекрасными, возмущенными, философскими идеями, идущими съ Запада. Онъ знаетъ, что останется до конца вѣрными идеями. «Пребуду вѣренъ». — говоритъ онъ. Въ его душѣ просыпается бунтъ. Но, когда онъ попалъ въ каменный ящикъ Александровскаго расчелника, сто вѣра поколебалась. Въ полномъ одиночествѣ, среди могильной тишины, зародилась будущія разсужденія подпольнаго человека на злобщии темы. Лишившись свободы, онъ страшно и безнадежно влюбился въ силу. Въ ту минуту, когда его повели на эшафотъ и онъ подумалъ: «и меня-то казнятъ», въ ту минуту, когда онъ стоялъ на грани нездѣшняго, между нимъ и людьми порвалась всякая связь. Этотъ моментъ никогда не забывается и не прощается. Здесь ключъ и разгадка сложной психологии Достоевскаго.

Переживъ страшныя минуты обреченнаго на смертную казнь, живя на ваторгѣ, Достоевский стремится къ сохраненію драгоценнаго блага—жизни. Онъ мечтаетъ выйти отсюда «сильнымъ, здоровымъ и крѣпкимъ». Онъ мучительно тоскуетъ по силѣ и жаждетъ жизни, только жизни. «Жить!.. Жить!..». По выходѣ изъ ваторги, въ душѣ Достоевскаго произошелъ переломъ. Въ обитателяхъ «мертвато дома» онъ увидѣлъ настоящихъ «хозяевъ жизни». Только имъ принадлежитъ будущее. Они страдаютъ отъ несовершенства законовъ, но они сильны, такъ какъ презрительно ломаютъ «сердиченькіе кодексы», которые унижаютъ и оскорбляютъ человѣческую личность.

«Записки изъ подполья» настоящая сущность писателя: нестерпимое надруганіе надъ всемъ прекраснымъ, дьявольскій хохотъ въ лицо всемъ «дуракамъ», мечтающимъ «о зѣвадахъ», циничное глумленіе надъ всемъ человѣчествомъ, надъ гуманностью, надъ «хрустальными сводами будущаго», надъ социализмомъ, надъ шиллеровщиной и «либералишками».

Въ эпоху 60-хъ годовъ, когда замѣчался необычайный общественный подъемъ, Достоевский «полетѣлъ въ бездну». Овлобленныи и изстрадавшийся, онъ былъ полонъ безжалостнаго желанія разрушить идиллію общественнаго счастья, напугать и исположить молодое либеральное общество. Съ 60-хъ годовъ подполье проходитъ черезъ все произведенія Достоевскаго и съ бушующей силой выливается въ романъ «Бѣсы». Полубезумный Раскольниковъ, чахоточный Ипполитъ, Иванъ Карамазовъ и его отецъ, Кирилловъ, — вотъ они, эти люди изъ мрачнаго подполья души Достоевскаго. Все они поднимаютъ возстаніе противъ «чертова одевила». Они враги организованнаго общества. Они прославляютъ свободную личность, и ополчаются противъ стодновъ и авторитетовъ. Все они хотятъ стать Ипполитами и пророками. Но они безсильны: они гибнутъ. Все они получаютъ нравственное возмездіе.

Эпилепсія, которой писатель боленъ три раза въ недѣлю, суровый режимъ Николаевского времени и вѣчная борьба за существованіе, — привели Достоевскаго къ смертельной усталости. Достоевский ищетъ узды. Онъ жаждетъ войти въ колею жизни и стать какъ все. Онъ не хочетъ возвращаться къ прошлому. Чтобы разъ навсегда отрѣзать себя отъ ступеніе назадъ, навстрѣчу къ тѣмъ головамъ, которые еще звучатъ въ немъ, — онъ пишетъ романъ «Бѣсы», этотъ злобный памфлетъ на общественную Россію, это циничное надруганіе надъ всемъ святымъ. Романъ «Бѣсы» — околчательная плеть. Надо разъ навсегда изгнать бѣсовъ, — а тамъ покой, къ которому тапется усталая душа жестокаго писателя. Герои «Бѣсовъ» не люди, а какое-то стадо, это не человѣческія лица, а звѣрины морды. Это не жизнь, а бедламъ. Мрачный сумасшедшій домъ. Николай Ставрогинъ — фигура, сотканная изъ противорѣчій, — оманца героевъ романа: Шатова, стремящагося къ народу-богочеловѣку, Кириллова — къ свободѣ, и Верховенскаго. Смерть Николай Ставрогина — торжество подполья. Бѣсы не загнаны. Большой не исцѣлился и не съелъ убой Христу. Шатова вѣра Достоевскаго не спасла Россію.

Истинный герой романа «Бѣсы» — самъ Достоевский.

Окончивъ блестящую лекцію, г. Потемкинъ, къ сожалѣнію, въ очень краткихъ словахъ, коснулся постановки «Бѣсовъ» на сценѣ московскаго Художественнаго театра. Онъ призналъ, что театръ сдѣлалъ великій и неоправданный грѣхъ противъ искусства, грѣхъ противъ русскаго общества. Московскій Художественный театръ забылъ прошлое и тѣмъ оскорбилъ вѣчную принадлежность русской литературы. Въ пору усиленныхъ гонимъ театръ поставилъ на своей образцовой сценѣ гнусную клевету на русское освободительное движеніе. Въ театръ Чехова и Горькаго, тамъ, гдѣ серебрился блестящею крыло чайки, былъ смертельно тяжелый грѣхъ.

Онъ не признаетъ, что творитъ, — такимъ образомъ закончилъ лекторъ свою лекцію.

Главное интересное и содержательное дѣло вышло большой успѣхъ.

Послѣ лекціи состоялась пренія. Въ преніяхъ приняло участіе вѣстимыя педагоги Н. Г. Жеронъ и Н. В. Смирновскій. Оба оппонента соглашались съ основными положеніями г. Потемкина и только разношались въ деталяхъ.

И. С. — ИМЪ.